

ЕГОР ВРАДИЙ

РЕВОЛЮЦИОННОЕ НАСИЛИЕ И ОБЫВАТЕЛЬ: К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ ПОГРОМА В БЕЛОСТОКЕ 1906 Г.

DOI: 10.15290/sp.2015.23.07

Słowa kluczowe: pogrom, akty terrorystyczne, organizacja rewolucyjna, propaganda, akty antysemityczne

Антиеврейские погромы, которые с конца XVIII столетия постепенно становятся одним из элементов общественно-политического и социального дискурса Российской империи продолжают оставаться одной из самых дискуссионных проблем в историографии. Особое место среди всех погромов принадлежит событиям 1–3 июня 1906 года в городе Белостоке Гродненской губернии¹. Погром в этом уездном городе на Северо-Западной окраине Российской империи оказался полной неожиданностью для российской общественности, которая, как оказалось, ошибочно надеялась, что волна насилия бурного 1905 года пошла на спад. Информационные «молнии» из Белостока будоражили не только сотни населенных пунктов в границах Черты Оседлости, но и еврейские сообщества Западной Европы и Америки. Благодаря неустанному вниманию прессы, Белосток 1906 г., наряду с Кишиневом 1903 г., Одессой, Екатеринославом октября 1905 г. вошел в ряд самых распространенных и стойких образов немотивированного, чудовищного насилия, направленного против евреев.

Несмотря на внимание, которое было оказано данному событию современниками, некорректно утверждать, что проблема белостокского погрома 1906 г. полностью исчерпала себя. Говоря о традиции изучения погрома в Белостоке, как нам кажется, следует говорить о не-

---

¹ Тут и далее в тексте даты приводятся в соответствии с Юлианским календарем, действовавшим в Российской империи до 1918 г.

скольких векторах исследовательского поиска. Во-первых, это публикации, авторы которых поставили перед собой задачу детального фактографического отображения событий, происходивших в городе в первые дни июня 1906 г.² С самого начала, ведущим мотивами изучения стало желание определить реальное количество жертв погрома, назвать конкретных виновников взрыва насилия, а также поднять завесу над теми, кто, возможно, выступал в качестве вдохновителей этого трагического события. Неотъемлемым элементом подобных публикаций стала попытка определить роль полиции, армии и административного аппарата в развитии погромных событий. Подобная модель исследования также востребована в целом ряде трудов краеведческой направленности, посвященных истории Белостока и его окрестностей. В целом выводы описательного осмысления событий в Белостоке концентрируются вокруг следующих тезисов: 1) погром стал сознательной провокацией местной администрации, которая таким образом пыталась деморализовать и подавить активность леворадикальных политических групп города; 2) количество жертв колеблется от 80 до 700 человек, подавляющее большинство из которых составляли евреи; 3) представители революционных групп практически не пострадали во время погрома; 4) в качестве погромщиков выступали полицейские, солдаты, в меньшей мере – крестьяне местного уезда. Интересно, что большинство исследователей уклоняются от ответа на вопрос о масштабах вовлеченности жителей в погром в качестве погромщиков. Называются фамилии отдельных личностей. Своеобразной же формой ухода стало утверждение о «толпе погромщиков».

Существует ряд публикаций, в которых белостокский погром рассматривается в качестве самодостаточного предмета изучения. К по-

---

² Традиция изучения была положена публицистическим изданием: *Кровавая политика и Белостокский погром*, Москва 1906. Среди последующих исследований следует отметить: Shl. Lombroso, *The Pogroms of 1903–1906*, w: *Pogroms, Anti-Jewish Violence in Modern Russian History*, ed. by J. D. Klier and Shl. Lombroza, „Cambridge University Press”, New York, Port Chester, Melbourne, Sydney 2004; Shl. Lombroza, *The Tsarist Government and the Pogroms of 1903–06*, „Modern Judaism”, Vol. 7, nr 3 (Oct., 1987), pp. 287–296. Тема погрома 1906 г. также представлена в трудах, посвященных истории Белостока: *Białystok. Zarys historyczny z 22 ilustracjami*, oprac. H. Mościcki, Białystok 1933; *Historia Białegostoku*, red. naukowy A. Cz. Dobroński, Białystok: Fundacja „Śąsiedzi”, 2012. Методологическое осмысление концепта «погрома» наиболее полно представлено в: D. Engel, *What's in a Pogrom? European Jews in the Age of Violence*, w: *Anti-Jewish Violence. Rethinking the Pogrom in East European History*, ed. by J. Dekel-Chen, D. Gaunt, N. M. Meir, I. Bartal, „Indiana University Press”, Bloomington and Indianapolis 2010.

следним следует отнести статьи Артура Марковского³. В целом автор пытается отойти от уже традиционного взгляда на события начала июня 1906 года в качестве сознательной провокации со стороны местной администрации и военного командования. А. Марковский, привлекая целый ряд документальных источников, указывает на некорректность автоматического отрицания фактора деятельности леворадикальных групп, действовавших в Белостоке и его окрестностях. Также автор выдвинул достаточно обоснованное предположение, что события 1905 г., в том числе и два антиеврейских погрома (в июле и октябре), стали своеобразной психологической адаптацией населения к вспышке более масштабного насилия⁴. Ища возможные ответы на «традиционный» вопрос о виновниках погрома, А. Марковский использует неклассическую для «погромной историографии» методологию исторического топографирования Белостока как арены группового насилия. Выделяя эпицентры и периферию погрома, автор доказательно подтвердил факт того, что массовая гибель евреев произошла там, где они соседствовали с неевреями, а район компактного проживания данной этнической группы остался практически нетронутым погромщиками⁵.

Учитывая то, что Белосток был также ареалом для групп различных леворадикальных политических партий, местный погром также выступает в качестве непрямого предмета исследовательского интереса и в трудах, посвященных истории анархического, социал-демократического и социал-революционного подполья Белостока⁶. Образ города как одного из важнейших центров антиправительственной активности империи, созданный исследователями революционной проблематики,

³ A. Markowski, *Pogromy, zajścia, ekscesy. Zbiorowe akty przemocy przeciwko Żydom w Białymstoku pierwszych dekad XX wieku*, „Studia Judaica”, 2011, nr 1, s. 21–42; A. Markowski, *Anti-Jewish Pogroms in the Kingdom of Poland*, w: Polin. *Studies in Polish Jewry*. Vol. 27 *Jews in the Kingdom of Poland 1815–1918* / ed. by Gl. Dynner, A. Polonsky, M. Wodziński, „The Litman Library of Jewish Civilization” Oxford, Portland, Oregon, 2015, pp. 219–225.

⁴ A. Markowski, *Pogromy, zajścia, ekscesy...*, s. 35.

⁵ А. Марковский, *Промышленный город как пространство событий, связанных с еврейским погромом*, в: *Працэсы урбанізацыі ў Беларусі: XV – пачатак XXI*. Зборнік навуковых артыкулаў, Гродна 2010, с. 59–62.

⁶ W. Kołodziej, *Działalność w Rosji w latach 1905–1907*, „Akademia Nauk Społecznych”, Warszawa 1988; E. Szum, *Anarchiści na Białostocczyźnie w okresie Rewolucji 1905–1907. Przyczynek do dziejów ideologii anarchizmu i działalności organizacji anarchistycznych na Podlasiu*, „Studia Podlaskie”, t. XX, 2012, s. 193–210; S. Kalabiński, *Białostockie organizacje SDKPiL, PPS, Bundu, socjalistów-rewolucjonistów i anarchistów w latach 1901–1903*, „Rocznik Białostocki”, 1970, t. 10, s. 53–91; M. Sadowski, *Anarchizm na ziemiach polskich do 1918 roku i jego powiązania*, Zielona Góra: „Red Rat”, 2000.

пестрит описанием демонстраций, массовых протестов и выступлений, эпизодами противостояния с полицией и упоминаниями о актах политического террора. Погромы, в частности самый масштабный из них в июне 1906 г., тракуются как попытка власти деморализовать революционные группы города⁷. Своеобразная идеализация предмета исследования (бундистов, эсеров, анархистов, эсдеков) приводит к тому, что авторы практически не указывают проявление каких-либо негативного отношения к деятельности революционных групп со стороны местного населения. Также до сегодняшнего момента продолжает оставаться неизблемым постулат, сформированный еще в начале 1930-х гг. про единство пролетариата в борьбе за собственное освобождение. Несмотря на прямые указания о существовании напряженности в рабочей среде в полицейских донесениях, рапортах фабричных инспекторов, осуществлявших надзор за трудовыми отношениями на предприятиях, в историографии практически не раскрыт вопрос конфликтов между различными национальными группами рабочих, работниками крупным промышленных предприятий и пролетариатом небольших кустарных мастерских. Возможно, именно этот фактор экономической и, частично, политической конкуренции и выступал в качестве одной из предпосылок для возникновения погромов в Белостоке в 1905–1906 гг.

Отдельное внимание в историографии было уделено вниманию и акцентам, с которыми сюжет белостокского погрома освещался в польской и российской прессе. В частности, детальный анализ прессы того времени демонстрирует, что современники погрома были неоднозначны в оценках причин и характера данного события, и значительная часть общества возлагала вину за него именно на леворадикальные политические организации Белостока⁸.

Белостокский погром 1906 г. также рассматривался в исторической литературе, посвященной истории евреев на территории Польши и Российской империи. В данном случае, он представлен как наиболее трагическое проявление российского шовинизма относительно этой нацио-

---

⁷ Подобный взгляд характерен и для исследователей истории праворадикальных политических сил, для которых погромы 1905–1906 гг. в первую очередь попытка противостоять революции, а не проявление антисемитизма (например, С. Степанов, *Черная сотня. Что они сделали для величия России?*, Москва: „Яуза-пресс“, 2013).

⁸ A. Cz. Dobroński, *Pogrom białostocki 1906 r. w świetle prasy polskiej*, „Białostoczczyzna”, 1991, nr 4, s. 13–16; М. Андрійчук, *Газета «Громадська думка» та «Рада» і єврейське питання*, „Вісник книжкової палати”, 2010, nr 4, с. 34–38.

нальной и религиозной группы⁹. К сожалению, среди данных изданий встречаются значительные неточности в фактографии, например, в определении хронологических рамок этого события ошибочно определяя их июлем 1906 года, в то время как оно происходило в июне этого года¹⁰.

В целом же анализ историографии данной проблемы позволяет говорить о том, что целый ряд аспектов истории погрома в Белостоке продолжает оставаться невыясненными. В частности, практически неисследованным остается проблематика общественно-политической атмосферы, которая была характерна для Белостока в начале XX века, непосредственно перед событиями погрома. Анализ повседневного бытия города, реакций его жителей на развитие противостояния между революционными организациями и представителями власти, исследование боевой (террористической) деятельности политических радикалов по отношению к обывателям города – проблемы, которые позволяют более глубоко оценить ситуацию, предшествующую погрому и дать ответ на вопрос о роли насилия, степени толерантности к нему городского социума в целом непосредственно перед трагическими событиями июня 1906 года.

Начиная с 1860-х гг. Белосток переживает стремительный демографический рост. Население уездного города Гродненской губернии возрастает от 17 тысяч в 1868 г. до 80 тысяч в 1900 г. соответственно. В дальнейшем темпы роста сохранились и к 1914 г. количество жителей достигло 99 тысяч¹¹.

Говоря о национальной и религиозной структуре населения Белостока, можно отметить доминирование евреев как этнической и религиозной группы. Так, согласно данным Всеобщей переписи 1897 г. именно евреи имели наивысший удельный вес в общей структуре населения – 66%. Доля других национальных групп была следующей: поляков – 18,2%, русских – 7,8%, немцев – 5,8%¹².

Парадоксально, но именно антисемитские погромы 1880-х гг. в юго-западных губерниях империи стали одной из главных причин роста количества евреев среди жителей Белостока, который оставался свое-

⁹ R. Kobrin, *Żydowski Białystok i jego diaspora*, [przełożył Adam Musiał], Sejny: „Pogranicze”, 2014.

¹⁰ M. Wodziński, *Żydzi w okresie zaborów*, [w:] *Atlas historii Żydów polskich*, red. W. Sienkiewicz, Warszawa: Demart, 2010, s. 155–245.

¹¹ *Historia Białegostoku...*, s. 283.

¹² Там же, s. 284.

образным оазисом спокойствия. По некоторым данным, доля данной этнической группы в городе в период с 1881 по 1887 гг. возросла соответственно с 16,7% до 84%¹³.

Можно предположить, что количество евреев в Белостоке увеличилось и в связи с принудительной депортацией 38 тысяч московских евреев в 1891 г., после соответствующего указа министра внутренних дел империи Николая Игнатьева. В качестве главных направлений миграции этих вынужденных переселенцев исследователи, среди других называют крупные промышленные центры Царства Польского – Варшаву и Лодзь¹⁴. Учитывая тот факт, что Белосток с 1862 г. был включен в транспортную систему империи, в частности стал одним из главных узлов Петербуржско-Варшавской железной дороги, вероятно предполагать, что определенная часть мигрантов выбрала новым местом проживания именно этот уездный город.

На фоне погромной волны последней трети XIX века, Белосток оставался не только относительно спокойным местом проживания в черте оседлости, но и привлекал с точки зрения экономических и, соответственно, социальных перспектив. Если сравнивать его с другими городами и местечками империи, можно сделать вывод о высокой динамике развития этого уездного центра. Говоря о промышленном росте, следует отметить, что если, например, в 1868 г. в городе было 27 фабрик, то в 1879 г. их количество возросло до 47¹⁵.

Невозможно не учитывать пограничный статус Белостока, который был одним из наибольших пунктов на российско-прусской границе и, одновременно, каналом нелегального импорта иностранных товаров в Российскую империю. В целом же темпы развития города, перспективы, которые он открывал перед его жителями, структура промышленности (преимущественно ткацкие и текстильные предприятия) вызвали у современников довольно красочные ассоциации и сравнения его с европейскими промышленными центрами. Так, в частности, расхожим стало обозначение Белостока как «Северного Манчестера» империи¹⁶.

¹³ Z. Romaniuk, *Żydzi w Białymstoku w latach 1807–1915*, [w:] *Białystok. Mayn Heym*, red. D. Boćkowski, Białystok: Wydawnictwo Muzeum Wojska w Białymstoku, „Wschodzący Białystok”, 2014, s. 35.

¹⁴ П. Полян, Не по своей воле...История и география принудительных миграций в СССР, Wyszukano 17.01.15, w: <http://www.memo.ru/history/deport/polyan0.htm#s6>.

¹⁵ *Historia Białegostoku...*, s. 300.

¹⁶ M. Dolistowska, *Architektura i budownictwo publiczne społeczności żydowskiej w Białymstoku*, [w:] *Białystok. Mayn Heym*, red. D. Boćkowski, Białystok: Wydawnictwo Muzeum Wojska w Białymstoku, „Wschodzący Białystok”, 2014, s. 79.

Учитывая то, что значительная часть населения была занята в промышленности, кризисные периоды в российской экономике приводили к росту социальной напряженности в городе. Внешними проявлениями данной напряженности стали периодические массовые выступления рабочих местных предприятий, которые в начале XX века становятся неотъемлемым элементом белостокской городской повседневности. Так, например, 1901 г. ознаменовался целый ряд забастовок, которые имели в первую очередь целью изменение экономического положения, в частности изменение системы и ставок оплаты труда¹⁷.

Одновременно наблюдается постепенная эволюция исключительно экономических выступлений к акциям с политическими лозунгами. Характерно, что трансформация целей приводит к появлению в рабочих выступлениях эмоциональных черт, которые должны были содействовать консолидации участников акции. Показательной с этой точки зрения является демонстрация 17 марта 1901 года, участники которой прошли через весь город. В качестве своеобразного эмоционального консолидирующего повода выступили похороны умершего от туберкулеза и «невозможных условий жизни» еврейского рабочего Мовше Высоцкого. По информации полиции данная демонстрация собрала достаточно большое количество участников – до 3 тыс. человек¹⁸. Впервые на белостокских улицах появляются такие элементы политических акций как платки и флаги красного цвета с обозначением принадлежности к нелегальным левым политическим партиям. В частности, наблюдались флаги так называемых «Белостокского Рабочего Комитета», «Белостокского Социал-Демократического комитета». Также в данной демонстрации принимали участие представители ППС (Польской партии социалистической), Бунда. ППС в своем сообщении, посвященном демонстрации с пафосом отмечала: «Первый раз на улицах Белостока зазвучала польская революционная песня, первый раз наш революционный гимн «Czerwony Sztandar», «Варшавянку» и другие наши песни»¹⁹.

Если обратить внимание на время основания первых нелегальных политических организаций в Белостоке (Польская партия социалистическая (ППС) 1898–1899 гг., Социал-Демократия Королевства Польского

¹⁷ S. Kalabiński, dz. cyt., s. 54.

¹⁸ P. Korzec, *Pół wieku dziejów ruchu rewolucyjnego Białostoczczyzny (1864–1914)...*, s. 175.

¹⁹ Там же.

и Литвы (СДКПиЛ) – 1900 г., Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России (БУНД) – 1899 г., группа «Kontynuatorów Narodnej Woli» – 1901 г. (позднее, в 1902 г. преобразуется в местную организацию Партии социалистов-революционеров (ПСР)), то можно увидеть, что период их становления и начального развития совпадает с нарастанием стихийных экономических и политических выступлений. В дальнейшем партийные активисты не только присоединялись к спонтанным массовым акциям, но и пытались взять их под свой контроль. Например, по подсчетам С. Калабиньского стихийные забастовки 1901–1903 гг. охватывали до 22% всех работников Белостока. В то же время показатель стихийных забастовок, к которым присоединились партийные организации или даже руководили ими, составлял до 60% от общего числа местного пролетариата²⁰. В своем отчете лидеры БУНДа анализируя деятельность партийных организаций в период 1901–1903 гг. с гордостью отмечали, что «несмотря на усиленную охрану и ужасные политические условия» в Белостоке удастся собрать до 1500 человек на массовые собрания и демонстрации²¹.

Учитывая расширение сферы влияния социалистических партий на сознание белостокских рабочих, вполне вероятно допускать, что определенная часть данной социальной группы оставалась неудовлетворенной «умеренностью» экономических и политических устремлений существующих нелегальных организаций. Негативную роль для социалистических организаций играла и излишняя конспиративность, а также строгая организационная иерархия. Так, делегат от Белостока на VI партийной конференции в феврале–марте 1905 г. отмечал, что «теперь [в ходе революции – *Е.В.*] следует уделить меньшее внимание ядру и большее внимание широким массам»²². Он же отмечал, что широкие массы не активны именно из-за излишней конспиративности и осторожности.

Проводя первые собрания в среде местных еврейских ремесленников, с начала 1903 г. анархисты постепенно расширяют свое влияние и среди фабричных рабочих – аудиторию, которая была основной базой поддержки социалистических организаций. Не имея материальных ре-

²⁰ S. Kalabiński, dz. cyt., s. 55.

²¹ Бунд: документы. и материалы, 1894–1921, сост., авт. коммент.: Ю. Н. Амиантов и др.; указатели – З. Н. Тихонова; предисл., послесл. – Ю. Н. Амиантов, И. С. Розенталь; ред. – Ю. Н. Амиантов, И. С. Розенталь, З. Н. Тихонова, Москва: „РОССПЭН”, 2010, с. 351.

²² Tamże, s. 408.

сурсов для организации налаженной политической пропаганды с помощью печатных изданий, анархисты в первую очередь полагались на талант собственных агитаторов. Не последнюю роль в успехе агитации играла ее примитивность и, одновременно, доступность для большинства слушателей. Обещание безвластного справедливого общества на следующий день после социальной революции подкупало неискушенных слушателей и делало революционную пропаганду анархистов на самом деле близкой и понятной большинству аудитории.

Анархисты также призывали к активной боевой деятельности, которая, по их мнению, демонстрировала реальную революционную активность. Так, например, первыми актами политического террора местной анархистской группы стали покушения 1 сентября и 9 октября 1903 года на жизнь полицмейстера Белостока – Метленко. Последняя акция завершилась ранением полицейского²³. Подобная активная позиция анархистов являлась демонстрацией реальной революционности и привлекала к себе как членов уже существующих социалистических групп, так и лиц, сочувствующих революционному движению. Так, например, ядро созданной в конце 1903 г. анархистской федерации «Интернациональная группа Борьба», составляли 73 бывших участников местной организации «Бунда»²⁴. В дальнейшем именно анархисты станут одной из самых влиятельных нелегальных политических сил Белостока, что позволит им самим называть город «одной из анархистских столиц империи»²⁵.

Особый размах демонстрации и массовые уличные выступления приобретают в начале 1905 года, который ознаменовался общероссийским революционным подъемом. Выступления февраля-марта 1905 года, как и раньше имели в первую очередь экономическую подоплеку. Если в предыдущие годы забастовки и выступления преимущественно имели узкокорпоративный характер и объединяли рабочих одной фабрики или предприятия либо несколько предприятий одной отрасли, то в 1905 г. они имели гораздо более масштабный характер и охватывали значительно более широкие профессиональные и социальные прослойки. Так, например, 18 февраля 1905 г. к рабочей забастовке

²³ Хроникер, *Белосток и пережито лихолетье (Заметки хроникера)*, в: Э. О. фон-Хартен (состав.) *Справочный календарь по г. Белостоку на 1913-й год*, Белосток:, 1913, с. 81.

²⁴ W. Kołodziej, *Działalność anarchistów w Rosji w latach 1905–1907*, Warszawa 1988, s. 85.

²⁵ М. Гончарок, «Век воли». *Русский анархизм и евреи (XIX–XX вв.)*, Иерусалим: „Мишмерет шалом“, 1996, с. 81.

присоединились ремесленники, приказчики магазинов, кондукторы трамвайного депо и даже извозчики²⁶.

Наибольший масштаб массовые выступления приобретают в октябре 1905 года, когда по городу распространяется известие о провозглашении «Высочайшего манифеста» 17 октября. Современники описывают «...всеобщее ликование в городе. Дома украсились флагами, коврами и цветами. Тысячные толпы стоят на Суражской, Купеческой и других густонаселенных улицах и горячо обсуждают слова манифеста». Также отмечается активность ораторов, которые «приветствуют слушателей со свободами».

20 октября с 11 утра и до вечера трехтысячная демонстрация ходит по центральным улицам Белостока (Липовая, Базарная, Суражская, Сенный Рынок, Немецкая), ее сопровождает оркестр, который играет «Марсельезу», повсюду красные флаги, в петлицах участников красные розетки, звучат возгласы «Долой буржуазию!», ораторы провозглашают «революционные речи»²⁷.

9 декабря во время спектакля в театре «Гармония» также происходит своего рода революционная демонстрация. В зале появляются красные и черный флаг с надписью «Вечная память погибшим!», раздаются крики «Да здравствует самооборона!»²⁸.

Эти наиболее яркие описания «дней свободы» не были чем-то оригинальным в масштабе Российской империи, так как подобную картину можно было наблюдать в различных ее регионах. Важнее то, что в повседневность белостокского обывателя постепенно, но очень настойчиво проникает образ революции, достаточно карнавальный и стихийный, со своими неотъемлемыми внешними атрибутами (флаги, массовость, революционные песни и т.д.). Подобная атмосфера по-разному оценивалась современниками. Часть населения, сочувственно относилась к развитию революционных и, как им казалось, демократических процессов, что выражалось в активизации рекрутирования новых участников местными революционными организациями. В то же время, существовала и противоположная позиция, носители которой осуждали вред и разрушения, которые приносит революция. Безусловно, главным

---

²⁶ *Carat i klasy posiadające w walce z rewolucją 1905–1907 w Królestwie Polskim. Materiały archiwalne*, zebrał i opracował Stanisław Kalabiński, Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1956, s. 67.

²⁷ Хроникер, dz. cyt., s. 85–86.

²⁸ Там же, s. 86.

рупором подобных настроений становятся силы, призванные охранять существующий государственный строй. Более того, неприязнь к революции и ее последователям основывалась также и на личном негативном опыте контактов с революционерами. Это касалось, как правоохранителей, которые боролись с нелегальными политическими силами, так и простых городских обывателей.

Всего с сентября 1903 года, когда был совершен первый террористический акт против представителя власти в Белостоке, до 1 июня 1906 г., когда непосредственно разразился еврейский погром, нами зафиксировано 42 случая покушений на представителей власти, преимущественно правоохранителей. В результате террористических атак было убито 9, тяжело ранено – 8, ранения легкой или средней тяжести получили 11 человек соответственно. Наибольшее количество покушений было совершено против лиц, которые занимали должность постового городского (8 случаев), пристава (5 случаев), полицмейстера, околоточного надзирателя, старшего городского (все по 3 случая)²⁹. Опасность покушения преследовала и бывших полицейских. Так, например, 27 февраля 1906 года получил огнестрельное ранение бывший городской Шмуляркевич³⁰.

Анализируя время и способ совершения террористических покушений, приходим к выводу, что определенной временной зависимости не существовало. Более того, возникает впечатление, что определенные акты революционного возмездия совершались намеренно в моменты, когда свидетелями данной акции могло быть как можно большее количество людей. Подобные действия выглядели довольно логично, с точки зрения политических радикалов, которые рассматривали акты политического террора не только как способ мести по отношению к представителям власти, но и как наиболее красноречивый способ ведения пропаганды своей политической силы путем конкретных боевых действий (так называемая «пропаганда действием»).

Если попытаться выделить основной ареал террористической активности в городе, то особо выделялись кварталы улиц Суражской, Базарной, Рыбного и Сенного рынков, традиционно населенных еврейскими рабочими и ремесленниками. Вся улица Суражская считалась местом

²⁹ Подсчитано автором на основании: Хроникер, *Белосток и пережито лихолетье* (Заметки хроникера), в: Э. О. фон-Хартен (состав.) Справочный календарь по г. Белостоку на 1913-й год, Белосток:, 1913, с. 72–94.

³⁰ Tamże, s. 88.

так называемой «партийной биржи» – еще одного характерного явления городской жизни Белостока, которое возникает незадолго до первой российской революции³¹. «Партийная биржа» – место встреч, обмена новостями, литературой, пропагандистскими изданиями между представителями различных нелегальных преимущественно левых политических партий и движений. Белосток в некотором смысле уникален тем, что был одним из немногих уездных городов, который имел свою партийную «биржу», так как они существовали преимущественно только в больших губернских центрах.

Еще одним местом постоянной революционной активности стало Старое еврейское кладбище Белостока, незадолго до этого, в 1890 г., закрытое для новых захоронений. Оно стало своеобразным тренировочным полигоном для боевиков местных антиправительственных организаций, которые упражнялись в стрельбе, использовании взрывных снарядов и устройств. Для подобных целей, но значительно реже, судя по упоминаниям в источниках, использовалось, упраздненное на тот момент, христианское кладбище Святой Марии Магdalены. Неоднократно, полиция фиксировала различного рода инциденты, которые происходили на территории некрополей. Так, 8 апреля 1906 г., приставы Павлючук и Шеффер попытались задержать подозрительных лиц на Старом еврейском кладбище, которые в ответ открыли огонь из револьверов. По мнению полиции все стрелявшие были молодыми рабочими³². В конце мая этого же города на кладбище обнаружен труп 16-летнего юноши Я. Вишенграда. В качестве вероятной причины смерти, правоохранители назвали неосторожное обращение с оружием³³.

Говоря о военнотружущих как группе жертв революционного террора, следует учитывать факт того, что Белосток с 1823 г. был местом дислокации целого ряда воинских подразделений 16-й пехотной дивизии, штаб которой также располагался в городе³⁴. Таким образом, военнотружущие находились в постоянном контакте с местным населением, были одним из элементов его повседневности. Безусловно, вне воинской службы так называемые «нижние чины» неформально контактировали с местными жителями, в том числе и с представителями среды, из которой нелегальные революционные орга-

³¹ Z. Romaniuk, dz. cyt., s. 47.

³² Хроникер, dz. cyt., s. 89.

³³ Tamże, s. 90.

³⁴ 16-я пехотная дивизия, Wyszukano 17.01.15, w: <http://regiment.ru/upr/B/2/pd/16.htm>.

низации рекрутировали новых участников. Неоднократно в местной прессе фиксируются конфликты, которые возникали на бытовой почве между военнотружущими и, например, местными торговцами. Если учесть, что согласно Устава воинской службы нижние чины российской армии не могли быть привлечены к ответственности за финансовую задолженность до окончания действительной срочной службы, то можно предположить в качестве вероятной причины конфликтов вопрос возвращения долгов³⁵. Например, относительно распространенной ситуацией было обвинение солдат в невозвращении денег за приобретенные товары, обвинение их в кражах. Поводом для первого еврейского погрома в Белостоке в конце августа 1905 года, стал как раз спор между собственниками мелких лавок и солдатами, который перерос в масштабный конфликт³⁶.

Невозможно не учитывать национальную и религиозную подоплеку напряженности в отношениях между местным населением и армейской средой. Во-первых, важную роль играли особенность системы комплектования российской армии, которая предполагала, что люди, призванные на воинскую службу, отбывали ее, как правило, в районах, отдаленных от места своего рождения и жительства. Во-вторых, евреи различными способами пытались избежать воинской службы. Полиция в самом Белостоке, в частности, и в губерниях так называемого Северо-Западного края Российской империи, в целом, отмечала существование своего рода «специалистов» в сфере намеренного членовредительства, услуги которых были широко востребованы в еврейской среде. Данная деятельность приносила солидный финансовый доход, а ее секреты передавались из поколения в поколение³⁷. В целом же, отрицательное отношение к воинской обязанности со стороны евреев приводило к тому, что представители этой этнической группы составляли меньшинство в армейской среде и объективно не могли, за редким исключением, выступить в качестве своеобразного соединительного элемента в контактах с местным населением.

³⁵ Ю. Веремеев, *Всеобщая воинская повинность в России в 1913 году*, Wyszukano 17.01.15, w: <http://army.armor.kiev.ua/hist/voen-povin-1913.php>.

³⁶ M. Pogorelski, *Pogroms in the 19th century*, w: „The Bialystoker Memorial Book – Der Bialystoker Yizkor Buch”, New York 1982, p. 16.

³⁷ Т. Воронич, *Криминальный мир губернского Гродно второй половины XIX – начала XX в.*, „Гарадзенскі палімпсест 2012. Людзі даўняй Гародні XV–XX ст.ст., пад рэд. А.Ф. Смаленчука, Н.У. Сліж, Гродна: ГрГУ, 2013, с. 256.

Таким образом, если попытаться персонализировать образ жертвы революционного террора со стороны правоохранителей, то ими преимущественно были полицейские, которые занимали низовые должности (городовые), которые предполагали непосредственный контакт с населением и потенциальными участниками нелегальных организаций.

Преобладание еврейской молодежи среди участников революционных организаций, которое было абсолютно природным, если учитывать факт количественного доминирования евреев среди населения города, приводило к тому, что в сообщениях представителей власти именно эта этническо-религиозная группа называлась главным виновником антиправительственной смуты. Более того, евреи противопоставлялись другим группам населения, в первую очередь православным христианам, которые считались лояльными имперскому государству. Так, начиная с февраля 1905 года, в полицейских рапортах появляется устойчивое упоминание о существовании определенного рода разделения в среде белостокских рабочих на евреев и христиан. Прокурор Гродненского окружного суда, базируя свои выводы на донесениях правоохранителей Белостока, утверждал, что христиане-рабочие выдвигали только экономические требования, а евреи «мешают им в этом, возбуждая на собрании вопросы чисто политического характера, касающиеся государственного строя»³⁸. В то же время, чиновники, независимые от Министерства внутренних дел и Министерства юстиции, также констатировали разногласия среди рабочих, но делали совершенно иные выводы о природе этого раскола. Так, старший фабричный инспектор Гродненской губернии А. Варенцов в своем рапорте о забастовке 18–21 февраля 1905 г. утверждал, что конфликты в рабочей среде стали последствиями деятельности полиции. В частности, он отмечал, что «местная полиция, виня в политической стороне главнейшее евреев, сумела как-то поселить рознь между рабочими-христианами – явление вполне новое и до тех пор не наблюдавшееся»³⁹.

В целом вопрос отношений между рабочими-христианами и рабочими-евреями не выглядит таким однозначным даже с точки зрения революционных партий, в частности в вопросе тактики политической деятельности. В 1905 г. делегаты VI конференции БУНДа, вели дискуссию о возможностях агитационной и организационной работы среди христиан. Говоря о Белостоке отмечалась необходимость такой работы,

³⁸ *Carat i klasy posiadające w walce z rewolucją...*, dz. cyt., s. 67.

³⁹ Там же, s. 126.

но, одновременно с этим, указывалось и на то, что подобные изменения могут развить стремление и среди других организаций вести агитацию в среде еврейского пролетариата⁴⁰. Ориентация на подобную национальную изоляцию не содействовала сотрудничеству и объединению различных групп рабочих Белостока.

В армейской среде также велась активная разъяснительная работа со стороны младшего командного состава, в ходе которой главной причиной революционных беспорядков называли евреев и их антиправительственную сущность. Так, комиссия Государственной Думы Российской империи, члены которой прибыли на место событий сразу же по окончании погрома 1–4 июня 1906 г., в своем докладе указывали на распространение среди военнослужащих 16-й пехотной дивизии прокламаций антиреволюционного и антиеврейского содержания⁴¹. Еще в феврале того же 1906 года газеты цитируют сообщение издания «Северо-Западный Голос» о распространении при поддержке чинов жандармского управления в Вильно прокламации «истинно русских людей» под названием «К солдатам» с призывом громить евреев и поляков, как главных революционеров⁴². Уже в 1908 г., когда происходил судебный процесс касательно погрома 1906 г. в Белостоке, во время допроса свидетелей полковник Тяжельников, который во время драматических событий был начальником штаба 16-й пехотной дивизии и принимал непосредственное участие в наведении порядка в городе, заявил, что «христиане враждебно смотрели на евреев, так как те не позволяли им работать на фабриках. Агитаторы-евреи неоднократно были избиваемы ткачами-христианами»⁴³. Впрочем, необходимо учесть, что данные свидетельские показания Тяжельников давал через 2 года после погрома и ими, в первую очередь, подчеркивал адекватность действий армии и полиции во время наведения общественного порядка. Нельзя не учесть и то, что не все свидетели характеризовали межрелигиозные отношения в Белостоке так как полковник Тяжельников. В частности, был допрошен настоятель католической парашии Вильгельм Шварц, который давал целиком противоположные сведения и утверждал, что «не предвидел по-

⁴⁰ Бунд: документы. и материалы ..., с. 437.

⁴¹ Е. Жирнов, «Всюду были избиваемы все русские...», Wyszukano 18.01.15, w: <http://www.kommersant.ru/doc/711282>.

⁴² *Kronika Krajowa. Wilno. Oburzający zdarzenie*, „Kuryer Litewski”, 1906, nr 27, 2 lutego (15.02), czwartek, s. 3.

⁴³ *Sprawa o pogrom w Białymstoku. Drugi dzień rozpraw*, „Kuryer Litewski”, 1908, nr 123, 30 maja (12 czerwca), piątek, s. 2.

грома, так как в течении 38 лет не было конфликтов между евреями и христианами»⁴⁴. Схожие показания дали и православные священники Желинский и Кобеньский, заявившие, что не ожидали погрома, так как отношение христиан к евреям не было негативным⁴⁵.

Опасность пропаганды подобного рода со стороны армейского командования понимали и в революционной среде. Так, в Белостоке анархисты издают прокламацию «Ко всем солдатам!», в которой называют врагами простого солдата «офицеров всех рангов, фельдфебелей и всякую другую сволочь». Слухи о том, что «все беспорядки происходят от евреев, поляков и других народностей, которые хотят свергнуть русского царя» называли намеренной «ложью и клеветой, распространяемой злейшими врагами русского рабочего народа»⁴⁶.

В то же время было бы некорректно утверждать, что выводы полиции об активном участии евреев в революционной деятельности, были только лишь умозрительными. В партийной среде Белостока также отмечали высокую революционную сознательность евреев. Так, например, возвращаясь к событиям массовой манифестации 1901 г., авторы прокламации ППС с сожалением констатировали определенного рода диспропорцию в поддержке революционных идей: «В манифестации преимущество имели товарищи евреи... На сегодняшний день мы уступаем товарищам евреям в сознательности и настрое»⁴⁷.

Не менее интересна позиция обывателей на развитие революционных выступлений. Анализируя источники различного происхождения можно утверждать, что взгляд на события разнился в зависимости от социальной принадлежности, колеблясь от открытой поддержки и сочувствия активным участникам забастовки и деятельности нелегальных партий, до неприятия и осуждения.

Так, например, полиция предсказуемо негативно трактовала любые проявления массовой активности, подчеркивая их опасность и вред для жизни простых обывателей. Одним из главных лейтмотивов полицейских рапортов было то, что, по их мнению, массовые рабочие выступления практически всегда сопровождались запугиванием насе-

---

⁴⁴ *Sprawa o pogrom w Białymstoku. Trzeci dzień rozpraw*, „Kurier Litewski”, 1908, nr 124, 31 maja (13 czerwca), sobota, s. 2.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ *Белостокская группа анархистов-коммунистов. Ко всем солдатам*, в: Анархисты. Документы и материалы. 1883–1935. В 2 тт., т. 1, Москва: „РОССПЭН”, 1998, с. 109.

⁴⁷ P. Korzec, *Pół wieku dziejów ruchu rewolucyjnego Białostocczyzny (1864–1914)...*, s. 177.

ления, незаангажированного в революционном движении, нарушении общественного порядка, открытой агрессии по отношению к представителям власти, управленческого аппарата промышленных предприятий и даже рабочих, которые не поддерживали забастовки и демонстрации. Сообщая о рабочей демонстрации 18 февраля 1905 г. указывалось, что «Толпы забастовавших расхаживали по городу, останавливали лиц, ехавших на извозчиках, высаживали их из экипажей и распрягали лошадей. Полиция совершенно сбилась с ног и не могла поспевать всюду для ограждения мирных обывателей от насильственных действий толпы»⁴⁸. Один из местных корреспондентов, вспоминая период 1903–1906 гг., утверждал, что «Рабочие забастовки протекали у нас далеко не мирно... чтобы заставить фабрикантов идти на уступки – понадобились экстренные меры, и мерами этими явился террор»⁴⁹.

Формы этого так называемого «экономического» террора были различными по степени своей тяжести. Он мог проявляться в издевательствах, угрозах со стороны забастовавших, как по отношению к младшим управленческой администрации – мастерам, техникам, так и представителям управленческой элиты – директорам или управляющим фабриками, что проявлялось в своеобразном ритуале насильственного вывоза человека на тачке за ворота предприятия⁵⁰. В то же время, представители революционной среды, как правило, анархисты, не останавливались перед запугиванием и даже убийством тех лиц, которых считали врагами рабочего класса. Так, например, когда в 22 февраля 1905 г. года переговоры между рабочими и собственниками местных фабрик зашли в тупик, на одного из бывших фабрикантов было совершено покушение. После него собственники других фабрик предпочитали не выходить из дома⁵¹. Данный случай не был единственным примером. 9 марта этого же года пятеро юношей 16–18 лет, вооруженные револьверами, требовали от собственника типографии Ш. Волобринского сокращения рабочего дня и увеличения заработной платы работников. После угроз революционеры перешли к действиям и как результат – Волобринский получил огнестрельные ранения⁵². 25 апреля стреляли в собственногоника другой типографии, Б. Ми-

⁴⁸ *Carat i klasy posiadające w walce z rewolucją...*, dz. cyt., s. 67.

⁴⁹ Хроникер, dz. cyt., s. 78.

⁵⁰ *Carat i klasy posiadające w walce z rewolucją...*, dz. cyt., s. 123.

⁵¹ Там же, s. 126.

⁵² Хроникер, dz. cyt., s. 82.

шондзника, за отказ в восстановлении в должности, ранее уволенного работника⁵³. 20 мая происходит нападение группы рабочих на фабриканта Д. Губиского, в результате которого тот получил огнестрельное ранение в руку⁵⁴. Всего, по нашим подсчетам, в период начала 1905 года до июня 1906 года зафиксировано 12 случаев, когда представители нелегальных организаций путем угроз пытались решить конфликты между работниками и работодателями⁵⁵.

Обыденным явлением были визиты «защитников трудового народа», коими себя именовали анархисты, к обеспеченным жителям Белостока с требованием восстановить на рабочем месте домашнюю прислугу либо защитить ее от произвола хозяев. Так, например, 9 августа 1905 г. господин С. получил угрозы «прокатить его по городу на тачке» за сожительство с прислугой. В результате жертва вынуждена была заплатить своеобразный «штраф» в размере 20 рублей⁵⁶.

Иногда представители революционных организаций выступали в качестве защитников определенных корпоративных интересов. 8 декабря 1905 г. купец М. Цейтлин получил угрозы возможного погрома его магазина с требованием прекратить торговлю обувью варшавской работы. Подобные действия явились попыткой защитить интересы местных обувщиков, которые стали проигрывать в конкуренции с продавцами готовой обуви⁵⁷.

Запугивание и физическое насилие было направлено не только против представителей «капитала» и «эксплуататоров». Угрозам и физической расправе подвергалась даже часть рабочего класса – социальной группы, от имени которой, выступали анархисты. В первую очередь это касалось тех, кто отказывался поддерживать борьбу с собственниками предприятий, в частности забастовочное движение. Борьба со штрейхбрекерством фиксируется практически с начала забастовочного движения в Белостоке и приобретает особо острые формы с начала 1905 года. Так, 15 марта этого года из-за угроз своих коллег были вынуждены прекратить работу работники фабрик Зильберблад-

---

⁵³ Tamże, s. 83.

⁵⁴ Tamże.

⁵⁵ Подсчитано автором на основании: Хроникер, *Белосток и пережито лихолетье (Заметки хроникера)*, в: Э. О. фон-Хартен (состав.) *Справочный календарь по г. Белостоку на 1913-й год, Белосток 1913*, с. 72–94.

⁵⁶ Хроникер, *dz. cyt.*, s. 84.

⁵⁷ Tamże, s. 86.

та и Маркуса⁵⁸. 3 сентября 1905 года получил огнестрельное ранение работник мельницы Давидовича Карл Бржозовский. Вероятной причиной покушения полиция назвала отказ последнего в поддержке забастовки⁵⁹.

Уже в 1913 г., в момент спада социального напряжения как в Белостоке, так и в Российской империи в целом, представитель известной промышленной династии Шапиро, обобщая опыт предпринимательской деятельности в городе, непрямо указывал на то состояние постоянной тревоги, в котором пребывали местные фабриканты: «Их то, этих средних и мелких фабрикантов, следовало бы в трудные минуты, под влиянием чего бы они не создавали, поддерживать и ограждать от рук кулаков, куда они неизбежно попадают, в частые у нас, критические моменты»⁶⁰.

Следует учитывать факт того, что не все лица, которым угрожали и даже применяли физическое насилие или унижение сообщали об этих фактах полиции. Главной причиной было опасение за жизнь близких и свою собственную. Причины для таких опасений существовали, так как довольно частыми были случаи, когда жертвами террористических действий становились члены семьи и даже случайные люди. Так, например, 27 августа 1905 г. была брошена бомба в квартиру чугунолитейного завода А. Вечорко. Жертвой взрыва стала его дочь София, которая получила тяжелое ранение ноги⁶¹. Комментируя это покушение, анархисты в своей прокламации указывали, что причиной акта стало увольнение А. Вечорком 180 рабочих⁶². 20 апреля 1906 года в результате метания бомбы в квартиру заведующего фабрикой Коммихау – Федора Брауэра, была легко ранена его жена⁶³. 8 июля 1905 года взрывное устройство было брошено в полицмейстера Беленкина в то время, когда он возвращался домой вместе с пасынком и его другом-гимназистом. В результате взрыва все трое получили серьезные ранения⁶⁴.

⁵⁸ Хроникер, dz. cyt., s. 82.

⁵⁹ Tamże, s. 85.

⁶⁰ М. Н. Шапиро, *Наша мануфактура и ее история*, w: Э. О. фон-Хартен (состав.) *Справочный календарь по г. Белостоку на 1913-й год*, Белосток, 1913, с. 56.

⁶¹ Хроникер, dz. cyt., s. 84.

⁶² *Белостокская группа анархистов-коммунистов. Ко всем солдатам*, в: Анархисты. Документы и материалы. 1883–1935. В 2 тт., Т. 1, Москва: „РОССПЭН”, 1998, с. 96.

⁶³ Хроникер, dz. cyt., s. 90.

⁶⁴ Tamże, s. 84.

Особый интерес вызывает аспект восприятия революционной деятельности в среде еврейской общины Белостока. Последняя была довольно неоднородной и объединяла как успешных и материально независимых фабрикантов, собственников торговых предприятий, которые составляли элиту белостокского общества, так и, одновременно, наемных рабочих, мелких кустарных ремесленников, городскую бедноту, которую можно назвать условно еврейским городским плебсом. Включение еврейской молодежи в активную антиправительственную деятельность привело к появлению внутри ранее консолидированной и консервативной общины линии раскола между теми, кто придерживался традиционной модели лояльного отношения к власти, своеобразного политического абсентеизма и теми, кто стал частью российской политической действительности и противопоставил себя существующему общественному устройству.

Впрочем, говоря о различных полюсах еврейского социума, было бы некорректным считать их полностью автономными по отношению друг к другу. Еврейская революционная традиция Белостока была плотью от плоти частью еврейского традиционного местечкового быта, религиозного консерватизма, родственных связей. Об этом свидетельствуют эпизоды начала организованного рабочего движения в городе. Например, еще в 1882 г., когда забастовали ткачи фабрики Аарона Хузарского, то посредником в конфликте выступал раввин, так, как и работники, и собственник принадлежали одной и той же хасидской конгрегации⁶⁵.

По воспоминаниям участников местных ячеек Бунд «верующие рабочие и одновременно члены тайных организаций систематически читали и изучали Святое Письмо индивидуально или группами», имели собственную божницу, в которой собирались рабочие-ткачи, среди которых были не только иудеи, но и христиане⁶⁶.

Вероятным выглядит предположение о том, что революционные организации в своей агитационной деятельности, учитывали культурную, религиозную модели традиционного быта еврейской общины. Это, в частности, проявлялось в использовании близких для аудитории риторических приемов. Так, например, Р. Кобрин, в своем исследовании приводит целый ряд примеров, когда нелегальные партии в своих про-

⁶⁵ R. Kobrin, dz. cyt., s. 50–51.

⁶⁶ M. Mishkinski, *Rola Białegostoku w okresie formowania się żydowskiego ruchu robotniczego w imperium rosyjskim*, „Studia Podlaskie”, 1989, t. 2, s. 98.

кламациях используют изречения, уважаемых в еврейской среде, религиозных лидеров, создают вымышленные литературные образы верующих евреев, которые реализуют свою веру в деле борьбы за лучшую жизнь своих близких⁶⁷. Справедливо будет отметить, что подобная тенденция использования религиозных мотивов (не только иудаистических, но и христианских) с пропагандистской целью была характерна для революционной агитации в целом⁶⁸.

С другой стороны, для среды нелегальных организаций было характерно не только лишь утилитарное использование религиозной риторики, символов и использование своеобразной мимикрии революционных тезисов с помощью традиционной для еврейской общины культурной оболочки. Те же анархисты позиционировали себя в качестве творцов нового безвластного справедливого общества. Идеологи анархизма, как например П. Кропоткин, писали о вреде религии и трактовали ее как один из общественных институтов принуждения⁶⁹. В практике реальной антиправительственной деятельности революционеры также пытались разрушить определенного рода культурные символы традиционной общины. Так, например, 29 августа 1904 в дни праздника «Йом Киппур» («Праздник Судного дня») прямо в синагоге еврей-анархист Нисан Фарбер наносит два удара кинжалом еврею Аврааму Когану, собственнику ткацкой фабрики в Белостоке. Поводом для убийства стало то, что жертва не шла на уступки бастующим рабочим и более того – наняла на работу рабочих-штрейхбрехеров⁷⁰. 6 октября 1904 г. тот же Нисан Фарбер кидает бомбу в один из полицейских участков Белостока. Незадолго до этого во время еще одного иудейского праздника Сукот («Праздник кущей») полиция разогнала митинг, организованный местной организацией «Бунд», в результате чего было ранено несколько десятков человек. Таким образом, действия Фарбера были своеобразной местью власти. 10 января 1905 года, во время очередной забастовки белостоцких ткачей, анархист (также еврей) Беньямин Фридман бросает бомбу в синагогу местечка Крынки (46 км от Белостока), в которой

⁶⁷ R. Kobrin, dz. cyt., s. 62–63.

⁶⁸ Отдельные аспекты этой проблемы автор рассматривал в статье: Є. А. Врадій, *Християнські мотиви революційних подій 1905 р. на Півдні України*, „Університет“, 2009, nr 4, с. 98–106.

⁶⁹ П. А. Кропоткин, *Этика*, Москва, 1991, с. 282.

⁷⁰ *Нисан Фарбер (Некролог)*, в: Анархисты. Документы и материалы. 1883–1935. В 2 тт., т. 1, Москва, 1998, с. 129.

якобы «заседали еврейские буржуа-собственники и обсуждали меры борьбы с рабочим движением»⁷¹.

Подобные действия можно интерпретировать с нескольких позиций. С одной стороны, избрание синагоги в качестве места покушения могло диктоваться практическими мотивами, например, удобством момента, когда все «эксплуататоры трудового народа» собрались вместе и были удобной мишенью для революционного возмездия. Также синагоги использовались левыми партиями в качестве места политической агитации. В 1903 г. делегаты от БУНДа, характеризуя массовую работу своей партии, отмечали 14 манифестаций в синагогах и театрах⁷². Подобную ситуацию наблюдают в еще одном крупном городе Северо-Западного края – Вильно. Одна из наиболее популярных газет «Kuryer Litewski» сообщала в феврале 1906 года о том, что во время богослужений в виленской синагоге «радикалы» произносят речи, в результате чего те, кто молятся, вынуждены уходить домой. Власти вынуждены были даже выставять патрули возле синагоги⁷³. Таковыми же практическими мотивами диктовалось, уже упоминаемое нами, использование участниками нелегальных организаций кладбищ в качестве своеобразных стрельбищ. Подобный выбор был вызван в первую очередь необходимостью соблюдения конспирации, а именно – отсутствием свидетелей. В то же время, в результате взрывов и выстрелов наносился непоправимый вред надгробным памятникам. Учитывая консервативность и традиционность еврейского социума, а также особо почтительное отношение к погребальному обряду и некрополю в частности, подобные действия со стороны участников революционных групп вероятнее всего вызывали осуждение среди представителей еврейской общины.

С другой стороны, если отбросить только лишь цели практической революционной деятельности, то же покушение Нисана Фарбера на жизнь Авраама Кагана в синагоге, можно рассматривать сквозь призму религиозного символического значения. Получив традиционное домашнее религиозное воспитание, обучаясь в еврейской школе Бело-

---

⁷¹ Доклад Н. И. Роздаева (Россия) на Международном анархическом конгрессе в 1907 г. в Амстердаме, в: Анархисты. Документы и материалы. 1883–1935. В 2 тт., т. 1, Москва „РОССПЭН”, 1998, с. 295.

⁷² Бунд: документы и материалы..., с. 352.

⁷³ *Patrole w synagodze*, „Kuryer Litewski”, 1906, № 27, 2 lutego (15.02), czwartek, s. 3.

стока⁷⁴, Фарбер был носителем определенного культурного кода и прекрасно осознавал сущность праздника Судного дня, который еврейская традиция связывает, в том числе, и с символическим разбитием Моисеем ложного идола – золотого тельца возле горы Синай⁷⁵. Образ «Золотого тельца» был очень популярен в анархистской агитации и имел выразительно негативное значение, так как символизировал сущность устремлений буржуазного общества⁷⁶. Убийство капиталиста Кагана было еще одним ударом по «Золотому тельцу». В прокламации, выпущенной после акта Фарбера, в частности указывалось: «Рабочий ворвался в храм, в тот храм, где капиталист молится своему Богу, и обагрил его кровью рабочего класса...»⁷⁷. Также подчеркивалась необходимость подобных акций: «Отдельные акты насилия отдельных героев рабочей революции важны и необходимы». Символическую параллель можно усмотреть и в риторике данного пропагандистского издания, которое выражает уверенность, что акт Фарбера будет вписан «золотыми буквами на скрижали истории»⁷⁸. Если еще раз углубиться в сущность праздника «Йом Киппур», то он связан и с дарованием еврейскому народу Закона, выбитого именно на скрижалях.

Можно предполагать, что революционная активность со стороны еврейской рабочей малообеспеченной молодежи воспринималась неоднозначно со стороны еврейской общины. Более того, считаем вероятным, что среди представителей обеспеченных кругов этого уездного социума была распространена именно негативная оценка деятельности еврейской революционно настроенной молодежи. В своих воспоминаниях известный российский монархист В. Шульгин, современник революции 1905 г., подчеркивал, что среди старших поколений еврейства независимо от их материального положения распространенными были осуждение и непонимание мотиваций молодых евреев-революционеров. Симптоматичным на его взгляд было высказывание одного из киев-

⁷⁴ Нусан Фарбер (*Некролог*), dz. cyt., s. 128.

⁷⁵ E. Smykowska, *Święta żydowskie. Mały słownik*, Warszawa: Wydawnictwo „Verbinum”, 2010, s. 69.

⁷⁶ В 1904 г. пропагандистская группа «Анархия» (Париж), состоящая преимущественно из российских эмигрантов одной из первых вводит в пропагандистский оборот данное определение капитализма как главного врага рабочего класса (*Ко всем товарищам анархистам!*, в: Анархисты. Документы и материалы. 1883–1935. В 2 тт., т. 1, Москва „РОССПЭН”, 1998, с. 49).

⁷⁷ *Покушения в Белостоке*, в: Анархисты. Документы и материалы. 1883–1935. В 2 тт., т. 1, Москва: „РОССПЭН”, 1998, с. 57.

⁷⁸ Там же.

ских евреев, который требовал самых жестких мер в борьбе с революционерами, в первую очередь по отношению к евреям: «Всех их, сволочь паршивую, всех их, как собак, перевешать нужно»⁷⁹. В самом Белостоке, еврейский религиозный суд (bejt din) опубликовал обращение в виде плаката, в котором выражалось сожаление, что некоторые люди слушают речи определенных агитаторов, которые отрывают их от Торы, чтобы те, в свою очередь, нарушали, законный порядок⁸⁰. Подозреваем, что подобные взгляды были распространенными в белостокской еврейской общине, которая, главным образом, опасаясь негативной реакции со стороны российской власти, осуждала деятельность революционной молодежи.

В то же время, можно утверждать, что даже в среде еврейской буржуазии доминировала точка зрения о том, что инициатива репрессивных действий относительно евреев происходила от местной уездной и губернской администрации и не зависела от действий отдельных лиц, принадлежавших к нелегальным организациям. Иными словами, существовало понимание, что активность революционеров, в том числе и террористическая, часто используется в качестве удобного повода совершения шовинистических погромных актов со стороны власти. Об этом можно судить по реакции белостокской еврейской буржуазии на события спонтанного антиеврейского погрома, который произошел в городе в конце июня 1905 года. В своем прошении, адресованном местному градоначальнику, авторы подчеркивали, что они «...не просим, а требуем гарантий безопасности населения, которое вас выбрало... Требуем решительных шагов для охраны жителей Белостока от издевательств и насилия со стороны полиции и армии»⁸¹. Характерно, что ответа на данное обращение так и не последовало.

Таким образом, в начале XX века Белосток становится одним из главных ареалов активности нелегальных политических организаций в Российской империи. Количественное доминирование еврейской общины среди других национальных групп, проживающих в городе, активность еврейского пролетариата, которая проявилась в забастовочной деятель-

---

⁷⁹ Цит. за: В. А. Вихнович, *2000 лет вместе: евреи России*, Санкт-Петербург: „Питер“, 2007, с. 160.

⁸⁰ Р. Кобрин, dz. cyt., s. 62.

⁸¹ Цит. за: P. Korzec, *Pogrom białostocki i jego polityczne reperkursje*, „Rocznik Białostocki“, t. 3, 1962, s. 154.

ности, участия в социалистических и анархистских организациях создали в сознании представителей местной администрации образ революционера-еврея – врага традиционных политических и общественных устоев российского общества. Террористическая деятельность белостокских анархистов в период 1903–1906 гг., жертвами которой стал целый ряд представителей полиции, военнослужащих, собственников промышленных и торговых предприятий, лишь укрепила подобную оценку. Несмотря на отсутствие значительных глубинных конфликтов между национальными и религиозными группами Белостока, местная администрация использовала традиционный для антисемитской риторики метод противопоставления иудеев и христиан с целью мобилизации как местного нееврейского населения, так и служащих государственного аппарата в борьбе с революционным движением. Именно этот комплекс причин и привел к драматическому взрыву насилия июня 1906 года.

Revolutionary Violence and Inhabitants: Causes of 1906 Bialystok Pogrom

Abstract

The article is devoted to the problem of Bialystok Pogrom of 1906. Utmost attention is paid to the issue of everyday life in the city in 1903–1906. Different kinds of sources allow to analyze the city's atmosphere before the Pogrom. Different aspects of urban activity are investigated. Some of them are: the evolution of worker's activity from economic strikes to political ones, the origin and development of illegal political organizations such as Bund, anarchists' groups and others. What is more, the aspect of terroristic activity and its perception by different groups of Bialystok's inhabitants was examined. The analyses of revolutionary organizations' activity allow to affirm that it was aimed at "class enemies" regardless of their ethnic or religious affiliation. Despite this fact, police, official administration and army as well tried to promote the idea of the "Jewish Threat". Active participation of Jewish youth in revolutionary organizations and numerous and bloody terroristic acts were used as an opportunity for anti-Semitic propaganda and the result of anti-Jewish and anti-revolutionary artificial organizations was pogrom in June 1906.

Key words: Pogrom, terroristic acts, revolutionary organization, propaganda, anti-Semitic acts

**Революционное насилие и обыватель:
К вопросу о причинах погрома в Белостоке 1906 г.**

Абстракт

Статья посвящена проблеме Белостокского погрома в 1906 г. Основное внимание сконцентрировано на повседневной жизни в городе в 1903–1906 гг. На основе широкого комплекса источников проанализирована городская атмосфера, которая предшествовала погрому. Рассмотрены различные аспекты жизни города, среди которых: эволюция рабочего движения от экономических до политических забастовок, процесс возникновения нелегальных политических организаций, таких как Бунд, различных анархических групп и др. Также освещен аспект террористической активности и ее восприятия различными группами жителей Белостока. Анализ деятельности революционных организаций позволяет утверждать, что она была направлена против «классовых врагов» независимо от их национальной или религиозной принадлежности. Несмотря на это, представители государственного аппарата и армии пытались представить деятельность нелегальных партий в качестве проявления «Еврейской угрозы». Активное участие еврейской молодежи в революционных организациях, многочисленные и кровавые террористические акты были использованы в качестве удобного повода для антисемитской пропаганды и, как результат – антиреволюционного и одновременно антиеврейского погрома в июне 1906 г.

Ключевые слова: погром, террористические акты, революционные организации, пропаганда, антисемитские акты

Bibliografia

- Białystok. Zarys historyczny z 22 ilustracjami*, oprac. H. Mościcki, Białystok 1933.
- Carat i klasy posiadające w walce z rewolucją 1905–1907 w Królestwie Polskim. Materiały archiwalne*, zebrał i opracował Stanisław Kalabiński, Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1956.
- Dobroński A. Cz., *Pogrom białostocki 1906 r. w świetle prasy polskiej*, „Białostoczczyzna”, 1991, nr 4, s. 13–16.
- Dolistowska M., *Architektura i budownictwo publiczne społeczności żydowskiej w Białymstoku*, [w:] *Białystok. Mayn Heym*, red. D. Boćkowski, Białystok: Wydawnictwo Muzeum Wojska w Białymstoku, „Wschodzący Białystok”, 2014, s. 79–103.
- Engel D., *What's in a Pogrom? European Jews in the Age of Violence*, w: *Anti-Jewish Violence. Rethinking the Pogrom in East European History*, ed. by J. Dekel-Chen, D. Gaunt, N. M. Meir, Bartal I., „Indiana University Press”, Bloomington and Indianapolis 2010, pp. 19–37.
- Historia Białegostoku*, red. A. Cz. Dobroński, Białystok: Fundacja „Sąsiedzi”, 2012.

- Kalabiński S., *Białostockie organizacje SDKPiL, PPS, Bundu, socjalistów-rewolucjonistów i anarchistów w latach 1901–1903*, „Rocznik Białostocki”, 1970, t. 10, s. 53–91.
- Kobrin R., *Żydowski Białystok i jego diaspora*, [przełożył Adam Musiał], Sejny: „Pogranicze”, 2014.
- Kołodziej W., *Działalność anarchistów w Rosji w latach 1905–1907*, „Akademia Nauk Społecznych”, Warszawa 1988.
- Korzec P., *Pogrom białostocki i jego polityczne reperkursje*, „Rocznik Białostocki”, t. 3, 1962, s. 149–182.
- Kronika Krajowa. Wilno. Oburzające zdarzenie, „Kurier Litewski”, 1906, nr 27, 2 lutego (15.02), czwartek, s. 3.
- Markowski A., *Anti-Jewish Pogroms in the Kingdom of Poland*, w: Polin. *Studies in Polish Jewry. Vol. 27 Jews in the Kingdom of Poland 1815–1918* / Ed. by Gl. Dynner, A. Polonsky, Wodziński M., „The Litman Library of Jewish Civilization” Oxford, Portland, Oregon, 2015, pp. 219–225.
- Markowski A., *Pogromy, zajścia, ekscesy. Zbiorowe akty przemocy przeciwko Żydom w Białymstoku pierwszych dekad XX wieku*, „Studia Judaica”, 2011, nr 1, s. 21–42.
- Mishkinski M., *Rola Białegostoku w okresie formowania się żydowskiego ruchu robotniczego w imperium rosyjskim*, „Studia Podlaskie”, 1989, t. 2, s. 95–102.
- Patrole w synagodze, „Kurier Litewski”, 1906, № 27, 2 lutego (15.02), czwartek, s. 3.
- Pogorelski M., *Pogroms in the 19th century*, w: „The Bialystoker Memorial Book – Der Bialystoker Yizkor Buch”, New York 1982, pp. 15–16.
- Lombroso Shl., *The Pogroms of 1903–1906*, w *Pogroms, Anti-Jewish Violence in Modern Russian History*, ed. by J.D. Klierand, Shl. Lombroza, „Cambridge University Press”, New York, Port Chester, Melbourne, Sydney 2004, pp. 195–248.
- Lombroza Shl., *The Tsarist Government and the Pogroms of 1903–06*, „Modern Judaism”, Vol. 7, nr 3 (Oct., 1987), pp. 287–296.
- Romaniuk Z., *Żydzi w Białymstoku w latach 1807–1915*, [w:] *Białystok. Mayn Heym*, red. D. Boćkowski, Białystok: Wydawnictwo Muzeum Wojska w Białymstoku, „Wschodzący Białystok”, 2014, s. 24–61.
- Sadowski M., *Anarchizm na ziemiach polskich do 1918 roku i jego powiązania*, Zielona Góra: „Red Rat”, 2000.
- Smykowska E., *Święta żydowskie. Mały słownik*, Warszawa: Wydawnictwo „Verbinum”, 2010.
- Sprawa o pogrom w Białymstoku. Drugi dzień rozpraw*, „Kurier Litewski”, 1908, nr 123, 30 maja (12 czerwca), piątek, s. 2.
- Sprawa o pogrom w Białymstoku. Trzeci dzień rozpraw*, „Kurier Litewski”, 1908, nr 124, 31 maja (13 czerwca), sobota, s. 2.
- Szum E., *Anarchiści na Białostocczyźnie w okresie Rewolucji 1905–1907. Przyczynek do dziejów ideologii anarchizmu i działalności organizacji anarchistycznych na Podlasiu*, „Studia Podlaskie”, t. XX, 2012, s. 193–210.
- Wodziński M., *Żydzi w okresie zaborów*, w: *Atlas historii Żydów polskich*, red. W. Sienkiewicz, Warszawa: Demart, 2010, s. 155–245.
- Анархисты. Документы и материалы. 1883–1935. В 2 тт., т. 1*, Москва „РОСС-ПЭН”, 1998.

- Андрійчук М., *Газета «Громадська думка» та «Рада» і єврейське питання*, „Вісник книжкової палати”, 2010, № 4, с. 34–38.
- Бунд: документы и материалы, 1894–1921, сост., авт. коммент.: Ю. Н. Амиантов и др.; указатели – З. Н. Тихонова; предисл., послесл. – Ю. Н. Амиантов, И. С. Розенталь; ред. – Ю. Н. Амиантов, И. С. Розенталь, З. Н. Тихонова, Москва: „РОССПЭН”, 2010.
- Веремеев Ю., *Всеобщая воинская повинность в России в 1913 году*, dostęp: 17.01.15, w: <http://army.armor.kiev.ua/hist/voen-povin-1913.php>.
- Вихнович В. А., *2000 лет вместе: евреи России*, Санкт-Петербург: „Питер”, 2007.
- Воронич Т., *Криминальний мир губернского Гродно второй половины XIX – начала XX в.*, „Гарадзенскі палімпсест 2012. Людзі даўняй Гародні XV–XX ст.ст., пад рэд. А. Ф. Смаленчука, Н. У. Сліж, Гродна: ГрГУ, 2013, с. 252–268.
- Врадій Є. А., *Християнські мотиви революційних подій 1905 р. на Півдні України*, „Університет”, 2009, № 4, с. 98–106.
- Гончарок М., *«Век воли». Русский анархизм и евреи (XIX–XX вв.)*, Иерусалим: „Мишмерет шалом”, 1996.
- Жирнов Е., *«Всюду были избиваемы все русские...»*, Wyszukano 18.01.15, w: <http://www.kommersant.ru/doc/711282>.
- Кровавая политика и Белостокский погром*, Москва 1906.
- Марковски А., *Промышленный город как пространство событий, связанных с еврейским погромом*, w: *Працэсы урбанізацыі ў Беларусі: XV – пачатак XXI. Зборнік навуковых артыкулаў*, Гродна 2010, с. 59–62.
- Полян П., *Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР*, dostęp: 17.01.15, w: <http://www.memo.ru/history/deport/polyan0.htm#s6>.
- Покушения в Белостоке*, в: *Анархисты. Документы и материалы. 1883–1935. В 2 тт., т. 1*, Москва: „РОССПЭН”, 1998, с. 57.
- Степанов С., *Черная сотня. Что они сделали для величия России?*, Москва: „Яуза-пресс”, 2013.
- Хроникер, *Белосток и пережито лихолетье (Заметки хроникера)*, в: Э. О. фон-Хартен (состав.) *Справочный календарь по г. Белостоку на 1913-й год*, Белосток 1913, с. 81.
- Шапиро М.Н., *Наша мануфактура и ее история*, в: Э. О. фон-Хартен (состав.) *Справочный календарь по г. Белостоку на 1913-й год*, Белосток 1913.
- 16-я пехотная дивизия*, dostęp: 17.01.15, w: <http://regiment.ru/upr/B/2/pd/16.htm>.

Jegor Wradij, dr historii, pracownik naukowy Ukraińskiego Instytutu Badań Zagłady Żydów „Tkuma”. Interesuje się historią ruchu anarchistycznego w Imperium Rosyjskim, pogromami Żydów w Rosji i w Polsce w XIX–XX w., historią prasy politycznej końca XIX – początku XX wieku. Mieszka w Dniepropetrowsku, Ukraina.

e-mail: Vradiyya@ukr.net